

Татьяна Бэк

ИСТИННАЯ
РОЗА

СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ

Татьяна Бэк

Истинная роза северных варваров

<https://litres.ru/74212179>

Аннотация

Даже среди вечных снегов может вспыхнуть пламя страсти. Я это знаю, ведь попала в тело пленницы северных варваров-оборотней. Мой дар — удивительный и редкий — сможет преобразить их ледяную пустыню, но для этого в сердце должна расцвести любовь.

Вас ждёт:

- ☆☆ Властные оборотни-красавцы
- ☆☆ Необычная героиня с закалкой и редким даром
- ☆☆ Искры и пламя на фоне ледяных пейзажей
- ☆☆ Истинная пара, точнее – трио
- ☆☆ Горячие, пикантные моменты без пошлости
- ☆☆ ХЭ для тех, кто заслуживает

Книга участвует в авторском литмобе "Мужья для истинной"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	44
Глава 11	47
Глава 12	51
Глава 13	56
Глава 14	61
Глава 15	64
Глава 16	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

— Слушай, а девчонка ещё жива? — раздался откуда-то сверху незнакомый грубый мужской голос.

— Да кто её знает! То хоть стонала, а сейчас вообще молчит. Кажись, не дышит! Наверное, совсем замёрзла. Платье на неё красивое надели, а чего одёжки тёплой не дали? А, может, и украли одежду в дороге. Её же из самой столицы везут. Другие сопровождающие не такие добрые были, как мы... — ответил невидимый собеседник.

Мне захотелось посмотреть, что за разговорчивые мужчины меня окружают, и о какой девушке идёт речь, но глаза не открывались.

Что происходит? Паника стеганула леденящей волной. Казалось, что тело отказывается мне повиноваться, став чужим. Я попробовала закричать, сказать, что мне нужна помощь, но с губ сорвался едва слышный стон.

— О, смотри, вроде жива. А то я уже испугался, что придётся варварам труп вручать в качестве дани.

— А ты думаешь, им не всё равно? Вряд ли бедняжка долго протянет у них в плену. Жалко девчонку, красивая.

— Ну раз жалко, иди вместо неё. Пусть с тобой северяне развлекаются.

Незнакомцы грубо и хрипло захохотали, а вот мне хочется плакать. Где я нахожусь? Что происходит? В памяти будто

провал. Последнее, что помню — как всей деревней отпра-
вились в лес на поиски заблудившейся внучки Семёныча, а
потом... темнота.

Невероятным усилием всё же заставила веки подняться и
с трудом сфокусировала взгляд. Судя по всему, я всё так же
была в лесу: вокруг тихо поскрипывали высокие сосны, слы-
шались птичьи голоса, а с неба сыпал пушистый ласковый
снег.

Только вот, что-то было не так, но никак не могла понять,
что именно.

— Кто вы? — произнесло я чуть слышно, едва справляясь
с непослушными губами.

В этот момент мне очень захотелось закричать от ужаса,
так как тихий мелодичный юный голос не мог принадлежать
мне. Страх и выплеск адреналина словно активизировали
последние силы, и резко попыталась подняться с повозки, на
которой меня везли. Теперь, по крайней мере, я получила
возможность осмотреться.

Меня и впрямь тащили на какой-то старой скрипучей те-
леге, запряжённой весьма норовистой и недешёвой лошадыо
неизвестной мне породы. А рядом с повозкой брели незнако-
мые мужики крайне бандитской внешности в меховых пла-
щах.

Но даже эти суровые бугаи пугали меня не как тот факт,
что руки с элегантными узкими кистями и длинными паль-
цами, которые поднесла к лицу, принадлежали не мне.

Глава 2

Воздух вокруг словно мерцал и вибрировал, а всё тело было тяжёлым и непослушным, будто набитым ватой. Руки дрожали, но я не отрывала от них взгляда. Эти пальцы — тонкие, бледные, с аккуратными ногтями, которых точно не могло быть у меня.

На мизинце левой кисти тускло поблёскивало серебряное колечко с нарядным, ярким синим камешком. Мои руки, руки Розы Капитоновны, были другими: крепкими, с короткими пальцами, вечно в царапинах от сена, тёплыми и живыми. А эти... эти были как у фарфоровой куклы.

Я потянула одну из этих незнакомых рук к лицу, к волосам. Пальцы наткнулись на что-то густое, тяжёлое и холодное — косу. Толстую, словно канат. Мои собственные волосы, заправленные под рабочий платок, были редковаты, с проседью. А здесь... я запуталась в этой косе, потянула, и на ладонь высыпалось несколько волос — похожих по оттенку на первый духмяный мёд. Я всегда лишь мечтала о таком цвете.

— О, глянь-ка, очнулась наша подарочек, — усмехнулся один из конвоиров, бородатый детина с лицом, покрытым шрамами, словно старый дуб корой. — Уж думали, до пункта назначения доедем с тишиной.

— А лучше бы и доехали, — проворчал второй, помоложе, но не менее угрюмый. — Живая — больше мороки.

Их

слова долетали до меня сквозь густой туман в голове. «Подарочек». «Варварам». «Дань». От этих слов пахло ледяным ветром с севера, — незнакомым и беспощадным. Но ужас был уже не острым, как укол, а тупым, всепроникающим, как этот холод, пробивающий сквозь тонкое розовое платье с вышитыми серебряными нитями узорами. Мой наряд был невероятно красивым и абсолютно бесполезным. В нём даже на молокоприёмный пункт в октябре выходить было бы самоубийством.

«Внучка Семёныча... лес... темнота...», — крутилось в мозгу обрывками. А потом — провал. И этот новый мир, новый лес, новое тело.

Я медленно, с невероятным усилием, перевела взгляд со своих рук на ноги. На грациозных ступнях красовались не грубые сапоги, а тонкие кожаные туфельки, уже промокшие насквозь, с какими-то нелепыми, но нарядными жемчужинами на носках. Безумие.

— Эй, красавица, — окликнул меня бородач, подходя ближе к повозке. Его дыхание клубилось в морозном воздухе. — Не ори, не дёргайся. Доедем до лагеря северян, сдадим тебя с рук на руки и — свободны. А ты там как-нибудь... устраивайся. Может, их вожакам понравиться. Сожалеть не будешь.

Незнакомец говорил это беззлобно, даже с какой-то грубой жалостью, как беседуют о скотине, которую ведут на убой. И в этой обыденности было самое страшное.

Молодой конвоир что-то проворчал про то, что пора бы и привал делать, и кобыла устала. Бородач кивнул, и повозка со скрипом остано-

вилась на небольшой поляне.

 Мужчины занялись лошадью, развели жаркий игривый костёр, достали из мешков какую-то жёсткую лепёшку и стали жевать. Меня сопровождающие не привязывали. Видимо, считали, что далеко не убегу. И они были правы. Я попыталась пошевелить ногами, чтобы сползти с повозки, но конечности почти не слушались, онемев от холода.

 Я сидела, уставившись на языки пламени, и внутри медленно, будто тяжёлый маслозатворительный сепаратор, начинала работать мысль. Паника — это роскошь. Паника — это когда у тебя тёплый дом, корова Зорька, которую надо доить в шесть утра, и бригадир, который вечно ворчит. Паника — это когда ты себя боишься потерять. А когда тебя уже нет... Остаётся только инстинкт. Инстинкт выживания. Который у Розы Капитоновны, то есть меня, был отточен за сорок с лишним лет не самой простой жизни.

 Я глубоко вдохнула. Воздух обжёг лёгкие... Хорошо: значит, по крайней мере, дышу.

 — Эй, — произнесла я, и мой новый, чуждый голос прозвучал хрипло, но уже твёрдо. Оба конвоира обернулись. — Пить.

 Молодой ухмыльнулся, но бородач, помедлив, протянул мне свою флягу. Я взяла её незнакомыми тонкими пальцами, сделала глоток. Водка, — грубая, обжигающая. Я закашлялась, но тёплая волна поползла от горла к животу, отогревая изнутри. В деревне мы и хуже лечились. Самогон с перцем и мёдом, а затем на русскую печь...

 — Спасибо, — выдохнула расслабленно, возвращая флягу.

Бородач смотрел на меня с любопытством.

 — А ты покрепче других, подарочек, — отметил он. — Предыдущие в истерику впадали, рыдали. А ты — «пить» да «спасибо».

 Я ничего не ответила, — просто смотрела на огонь. Надо было думать. Не о том, где я, и не о том, почему оказалась здесь. От этого можно было сойти с ума. Надо было поразмыслить, как действовать дальше.

 Внезапно в памяти, не в моей, а этой хрупкой девушки, чьё тело я теперь занимала, мелькнул обрывок: огромный зал с чёрными деревянными столами, строгое лицо в золотой повязке на лбу, и чувство такого леденящего страха, от которого сводило живот. Этот ужас был настолько сильным, что невольно согнулась, обхватив себя руками... Её руками. В этом теле жила своя память, свой страх. И этот страх знал, что такое «северные варвары».

 «Нет, — сказала сама себе, точнее, тому сгустку паники, что остался от прежней хозяйки тела. — Не сейчас. Побоишься потом».

 Я выпрямилась и посмотрела на бородача.

 — Как вас звать? — спросила, натягивая насильно дежурную улыбку. Оставалось надеяться, что я правильно задействовала лицевые мышцы.

 Он удивился ещё больше.

 — Зачем тебе?

 — Хочу знать, кому сказать спасибо, если выживу, — ответила просто.

 Сопровождающий лишь хмыкнул.

 — Меня Вильтар зовут. А этого болвана — Курт. Но тебе это не поможет.

 — Всё помогает, — тихо сказала я и отломила кусок лепёшки, которую бородатый щедро протянул мне.

 Жевать было больно — зубы казались чужими, дёсны ныли. Но я жевала. Потому что завтра будет новый день. И если уж судьба забросила доярку Розу Капитоновну в тело «подарочка» для варваров, значит, надо было искать в этом хоть какой-то смысл. Или хотя бы тёплую одежду. А для начала — выжить. До завтра. До лагеря. До встречи с теми, кого все так боятся.

 Я обернулась и посмотрела вглубь леса, туда, откуда дул ветер... Там, среди сосен, уже чудился не птичий щебет, а далёкий, похожий на вой, одинокий звук. То ли ветер в скалах, то ли волк, то ли что-то совсем иное — страшное, незримое, не имеющее имени.

 Вильтар услышал этот звук тоже. Он нахмурился и пнул Курта.

 — Хватит спать. Движемся. Надо успеть до темноты.

 Сердце в груди, чужое, молодое и испуганное, забилось чаще. Но я лишь плотнее закуталась в никудышный платок из собственных волос и приготовилась к дороге.

 Впереди был Север, варвары и... что-то неизвестное.

Дорогие читатели, приветствую вас в своей яркой, жаркой, динамичной новинке! Буду рада вашим комментариям и звёздочкам, ведь они так вдохновляют. Не забывайте добавлять историю в библиотеку, чтобы первыми узнать о выходе

НОВЫХ глав.

Книга пишется в рамках чувственного литмоба "**Мужья для истинной**" <https://litnet.com/shrt/sXI3>

Глава 3

Повозка въехала в лагерь северян как в хищную бездонную глотку голодного зверя. Лагерь был устроен на опушке, прижавшейся к скальному выступу. Повсюду виднелись не палатки, а нечто вроде низких, крепких шатров из шкур, натянутых на искривлённые каркасы. Воздух пах дымом, жареным мясом, конским потом и чем-то резким, пряным — может, травами, а может, и людьми, которые никогда не знали горячей бани.

Мужчины вокруг не походили на конвоиров. Последние были бандитами, отребьем. Эти же были стихией. Высокие, широкоплечие, закутанные в меха и кожу, с лицами, обветренными до красноты, с холодными, оценивающими глазами цвета зимнего неба или тёмного льда. Они молча наблюдали, как повозка скрипит к центру лагеря, к самому большому шатру, перед которым горел костёр не для тепла, а, кажется, для устрашения — пламя било высоко в почти стемневшее небо.

Вильтар и Курт резко остановили лошадь, спешили и замерли почтительно, со страхом, которого не показывали мне, склонив головы.

Из шатра вышли двое... И все остальные померкли.

Братья. Близнецы. Но не полные копии, а как два варианта

одной грозной, совершенной формы. Оба — под два метра ростом, с волосами цвета заката над северным морем, заплетёнными в сложные воинские косы с вплетёнными металлическими пластинами. Лица — резкие, с высокими скулами, прямыми носами, упрямыми челюстями. Глаза одного были цветом, как вспененное море в шторм — серо-стальные, почти белёдые. У второго — глубокие, как трещины во льду над тёмной водой, сине-зелёные.

Но разница была не только в глазах. Первый, со светлыми глазами, смотрел на мир (и на меня) с холодной, отстранённой жестокостью хищника, для которого всё вокруг — либо добыча, либо помеха. На его лице читалось лишь любопытство и пресыщенность. Второй же, казалось, нёс в себе молчаливую, сосредоточенную ярость. Гнев, направленный не вовне, а внутрь, сковывающий движения, делал его взгляд тяжёлым и пронзительным.

Незнакомцы были одеты в практичные, но богато отделанные меха и кожу, на перевязях у широких поясов поблёскивали рукояти длинных ножей.

Эти самцы словно сошли из книг женских романов — шикарные, мужественные, опасные.

— Дар из столицы, — буркнул Вильтар, толкая меня вперёд.

Я аккуратно сползла с повозки, и тонкие туфли сразу утонули в снегу по щиколотку. Холод, острый как иглы, ударил снизу.

Но я только выпрямила спину. Внутри заговорила не испуганная девичья память, а суровый опыт Розы Капитоновны, доярки-ударницы, которая каждую зиму, как только на пруду вставал лёд, уходила к проруби. Не для забавы, а для здоровья. «Главное — дыхание, — твердил себе старый морж Степан. — Дыши ровно, и холод тебе не хозяин».

Я и дышала. Ровно. Глубоко. Морозный воздух обжигал лёгкие, но не парализовал. Медленно и грациозно сделала шаг. Потом другой. Снег хрустел, холод пронизывал насквозь, но я шла. Не испуганной походкой жертвы, а твёрдой, хоть и неспешной, поступью человека, который идёт на работу в сорокаградусный мороз — потому что коров не перестают доить из-за непогоды.

По лагерю прошёл шепоток. Эти люди, видевшие, наверное, всякое, всё же оценили зрелище: хрупкая девушка в летящем кружевном платье и бальных туфельках, бредущая по снегу с лицом, белым от холода, но с прямой спиной и взглядом, устремлённым куда-то в точку между двумя вождями.

Брат со светлыми глазами — его, как я позже узнала, звали Хельги — усмехнулся уголком рта. Для него я была лишь забава.

— Ножки заморозит, наш дар, — произнёс он звучным, насмешливым голосом. — Жалко будет. Красивые ножки. Мне бы их прямо сейчас забросить на плечи!

Второй, Хеймдар (это имя я уловила из шёпота одного из воинов), молчал. Его сине-зелёный взгляд был прикован к

моим ногам, к тому, как тонкая кожа туфельек безнадежно чернела от влаги, к шагам, становившимся всё медленнее, но не прекращающимся.

Я дошла до самого костра, остановившись в паре шагов от них. Жар пламени обжёг одну щеку, в то время как другая коченела от стужи.

— Я — дар? — произнесла надменно своим новым, мелодичным голосом. — Корова на убой — тоже дар. Но её хотя бы откармливают, берегут до заклания и не выставляют на потеху окружающим.

Хельги рассмеялся, коротко и громко.

— Остроумно! Слышишь, брат? Нам прислали игрушку с чувством юмора.

Хеймдар не смотрел на брата, а лишь на меня. Его взгляд скользнул с моих ног на лицо, задержался на губах, закусанных до крови, на глазах, в которых, я знала, горел не девичий ужас, а упрямая, взрослая решимость не упасть здесь, на потеху всем.

И тут что-то в этом мужчине дрогнуло. Не жалость. Нечто более сложное и глубинное.

Я сделала ещё шаг, намереваясь обойти костёр, чтобы встать перед ними, как полагается, но нога, насквозь промокшая и онемевшая, вдруг подвернулась. Я не упала, но резко осела, судорожно выгнувшись, чтобы удержать равновесие.

И в тот же миг он сорвался с места.

Хеймдар был невероятно быстр. Один длинный стреми-

тельный шаг — и уже возник передо мной. Мужчина даже не наклонился, а просто подхватил меня на руки, как охапку хвороста, одним движением, так что мир закружился, и я инстинктивно вцепилась своими незнакомыми длинными пальцами в жёсткую кожу его плеча.

Исходившее от варвара тепло было ошеломляющим, почти физическим ударом. Оно пропитало тонкую ткань платья, обожгло кожу. Красавец пах снегом, хвоей, дымом и чем-то тёплым, животным, мужским — не потом, а просто жизнью, кипящей в этом могучем теле.

— Довольно дурацких представлений, — прорычал Хеймдар прямо над моим лицом. Его голос был низким, вибрирующим, как далёкий гром. — Ты теперь наша. И мы не портим своё.

Глава 4

Хеймдар повернулся, неся меня к шатру, прочь от похотливых скабрезных выкриков воинов и от насмешливого взгляда брата. Я не сопротивлялась. Всё моё показное мужество, подпитанное адреналином и памятью о прорубях, мгновенно испарилось, столкнувшись с этой простой, грубой реальностью: его руки подо мной, его дыхание у моего виска, его неоспоримая сила, которой мне нечего было противопоставить.

Вместо этого пришло то-то другое — острая, почти болезненная чувственность осознания. Каждый мускул этого странного мужчины, каждый вдох его широкой груди, прижимавшейся к моему боку, жар, исходящий от него — всё это заставляло забыть о холоде, заставляло кровь, которую я считала заледеневшей, бежать быстрее. Это был ужас. Это был восторг. Это было невыносимо живо.

Варвар переступил порог шатра, где было темно, тепло и пахло дымом и кожей, на миг остановился, всё ещё держа меня на весу. В полумраке его глаза, сине-зелёные и глубокие, светились, как прозрачный лёд над бездной.

— Ты не умрёшь от холода, — сказал он тихо, и слова прозвучали не как обещание, а как приговор. — Потому что я этого не позволю.

И только тогда он опустил меня на мягкий ковёр из шкур,

но не отпустил сразу. Его руки задержались на мгновение, одна под спиной, другая под согнутыми коленями, будто проверяя вес, фактуру, реальность моего тела.

В этом касании, в этой секундной задержке была какая-то тайна и откровенность: яростная необходимость и странная, неловкая нежность варвара, поймавшего наконец свою хрупкую, упрямую, замёрзшую дань.

— Думаешь, что теперь вы с братом сможете решать мою судьбу, что отныне я ваша игрушка? — прошипела я, злясь на себя за то, что новое тело буквально таяло от присутствия этого огромного, сильного мужчины, прикосновения которого были столь удивительно бережны.

— Мне нравится, что у тебя есть характер, дар! Но если хочешь выжить, тебе нужно понять, что отныне ты просто наша собственность! — голос мужчины, склонившегося надо мной, стал похожим на рык дикого зверя.

Почему я не заметила раньше, что Хеймдар похож на медведя? Или, возможно, мне сейчас просто почудилось из-за усталости и пережитого стресса?

— Я не дар! Меня зовут Роза! — произнесла по возможности гордо и независимо, но на всякий случай накинула на себя тяжёлую шкуру, лежавшую рядом.

— Роза... — повторил Хеймдар, словно пробуя моё имя на вкус. — Как хрупкий цветок... Жаль, что такие здесь быстро вянут. Тебе подходит. А теперь постарайся отдохнуть и набраться сил. Тебе они точно понадобятся!

Его огромная горячая ладонь скользнула под шкуру, которой я прикрылась, стянула с меня промокшие туфельки и сдавила мои заледеневшие ступни, растирая их.

— Ай... — невольно вскрикнула я.

Варвар лишь довольно ухмыльнулся.

— Скоро ты будешь кричать подо мной по-другому, дар. Я сорву с твоих губ стон истинного удовольствия. Но пока у меня есть более важные дела!

— Ты этого не дождёшься!

Не знаю, почему меня невероятно злила уверенность этого самца. В моей бы непонятной ситуации стоила молчать, да пытаться не впасть в истерику из-за происходящего, — не каждый же день оказываешься в другом мире и чужом теле. Но я отчаянно желала сохранить хотя бы своё достоинство и гордость.

Дорогие читатели, начну знакомить вас с историями нашего горячего литмоба:

Встречайте горячую новинку нашего литмоба "Мужья для истинной"

от Ани Марики

"Ловушка для строптивой"

<https://litnet.com/shrt/tcfS>

Глава 5

Воздух был густым, тёплым и давящим. Я скинула с себя шкуру, которой прикрывалась, чувствуя, что задыхаюсь от её тяжести.

 Хеймдар выпрямился во весь свой исполинский рост, заслонив свет от входа. В полумраке шатра его фигура казалась ещё массивнее, а черты лица — резче. Он не уходил, продолжая стоять и смотреть на меня, а его взгляд, — тяжёлый и пронзительный, скользил по мне, будто сдирая с кожи остатки промокшего платья.

 — Дар, — прошипел он снова, но уже без ярости, скорее с каким-то внутренним раздражением. — Они могли погубить тебя в дороге.

 Я молчала. Говорить было страшно. Но и молчание стало невыносимым под этим взглядом. Я попыталась сесть, отодвинуться, но он одним движением сбросил с плеч тяжёлый плащ из волчьего меха и швырнул его мне.

 — Разденься, — приказал он коротко. — Вытрись.

 Приказ был отдан так же просто и властно, как если бы мужчина приказал коню остановиться. И в этой простоте была суровая практичность человека, непривыкшего тратить время и уверенного в том, что ему подчинятся. Но слова «разденься» прозвучали в тишине шатра как удар грома. Тепло от плаща Хеймдара, ещё хранившего жар его тела, обожгло мои пальцы. Я замерла, сжимая в кулаках грубый мех.

 Он заметил мой ступор и испуг. И в

его глубоких синих глазах что-то вспыхнуло — не насмешка, а странное понимание, смешанное с нетерпением.

— Ты думаешь, я буду смотреть? — голос понизился до рычания. — Я не из тех, кто получает удовольствие от вида замерзающего мяса. Разденься. Или тебе нужна помощь?

Последняя фраза повисла в воздухе, наэлектризованная двусмысленностью. «Помощь». Его помощь. Его руки, сдирающие с меня это кружевное тряпье.

Адреналин, холод и эта невыносимая близость гигантского, опасного мужчины создали в голове странный, пьянящий коктейль. Я подняла на глаза на варвара. Страх отступил, уступая место чему-то дерзкому, почти безумному. Это была не храбрость Розы-доярки, а какое-то отчаянное озорство, вспыхнувшее в этом юном теле.

— А если нужна? — выдохнула я, и мой голос прозвучал тихо, но чётко, без тени дрожи.

Хеймдар замер. Казалось, даже воздух в шатре перестал двигаться. Его сине-зелёные глаза расширились на долю секунды, а затем сузились до ледяных щелей. Он сделал шаг вперёд, и пространство между нами исчезло. Я чувствовала исходящее от него тепло, слышала ровное, глубокое дыхание.

— Тогда, — произнёс мужчина очень медленно, обволакивая меня словом, — ты получишь её. Но потом не жалуйся, что я груб.

Его рука поднялась, и большой палец, грубый, со шрамом через сустав, коснулся моей щеки, провёл по скуле к подбородку. Прикосновение было неожиданно лёгким, но оно обожгло,

как раскалённое железо. Всё моё тело вздрогнуло, не от страха, а от удара чистого, животного ощущения. Искра. Та самая, острая и жгучая, проскочила от его пальца ко мне, заставив сердце бешено колотиться в груди, которая казалась слишком маленькой и хрупкой для таких ударов.

 Я не отстранилась. Не смогла, — его взгляд держал меня, как капкан.

 Его пальцы сомкнулись на тонкой ткани у моего плеча. Один резкий рывок — и серебряные нити вышивки нехотя лопнули с тихим шелковистым звуком. Холодный воздух шатра коснулся обнажённой кожи, и я ахнула, но не от стыда, а от этого внезапного контраста: ледяной воздух и пылающий взгляд, который теперь был прикован к открывшемуся участку плеча и ключицы.

 Хеймдар не стал медленно раздевать. Он действовал с той же целеустремлённой эффективностью, с какой, наверное, разделывал тушу. Ещё несколько точных, сильных движений — и платье, красивое и бесполезное, соскользнуло с меня на шкуры. Я сидела перед ним в одном тонком, промокшем исподнем, дрожа уже не от холода, а от этого всепоглощающего внимания, от его взгляда, который теперь медленно, неспешно изучал каждую линию, каждый изгиб чужого мне, но такого живого тела.

 Стыд пришёл бы позже. Сейчас же было только это: невероятная, почти болезненная острота ощущений. Ощущение силы варвара, сокрушающей любые преграды. Ощущение собственной наготы не как уязвимости, а как странной, новой формы силы — силы, которая за-

ставила этого исполина остановиться, затаить дыхание.

 Варвар наклонился. Его лицо оказалось так близко, что я могла разглядеть тонкую сетку морщинок у глаз, светлые прожилки в его радужках, тень ресниц на скулах. Он пах снегом, дымом и мужчиной. Его горячее дыхание обожгло мои губы.

 — Дрожишь, — констатировал Хеймдар, и его голос стал тихим, как шорох волка по снегу. — Но не от холода.

 Он был прав. Дрожь, бившая меня изнутри, была вызвана чем-то совершенно иным. Бурей, которая бушевала там, где раньше была только привычная, размеренная жизнь.

 Варвар выпрямился, взял сброшенный плащ и, не глядя, накинул его мне на плечи. Грубый мех, ещё хранивший форму его тела, укутал меня, приглушив дрожь, но не погасив внутренний пожар.

 — Оденься, — сказал он, отворачиваясь и делая шаг к выходу из шатра. Но на пороге обернулся. Его взгляд, тяжёлый и тёмный, снова упал на меня. — И запомни. Теперь ты моя. И я решаю, когда тебе мёрзнуть, а когда — гореть.

 Хеймдар вышел, откинув полог, и в шатёр ворвалась струя ледяного воздуха, но она уже не могла охладить тот жар, что разжёг внутри этот мужчина. Я сидела, закутанная в его плащ, и пальцы непроизвольно впивались в мех. Между нами проскочила не просто искра. Это была полноценная молния, оставившая после себя запах озона, опалённые нервы и абсолютную, оглушительную ясность: всё изменилось. Навсегда.

Встречайте яркую новинку нашего литмоба "Мужья для истинной"

от Дианеллы Кавейк

"Мужья под Новый год. Хозяйка ресторана в космосе"

<https://litnet.com/shrt/ySsd>

Глава 6

Тепло плаща и жар, разлитый под кожей прикосновениями Хеймдара, ещё пылали во мне, когда полог шатра снова взметнулся. Но вошёл не он.

Это был Хельги.

Он вошёл без стука, без спроса, как хозяин, которому всё дозволено. Свет от костра снаружи выхватил его профиль — тот же, что и у брата, но с иным выражением. Холодное любопытство в его светлых, как ледяная крошка, глазах сменилось насмешливым, почти барским интересом.

Он остановился у входа, оглядывая меня с головы до ног. Его взгляд скользнул по моим босым ступням, выглядывавшим из-под плаща, задержался на руках, вцепившихся в мех, на лице, на котором, я знала, ещё не остыли краска.

— Брат мой, оказывается, не только воин, но и благодетель, — произнёс Хельги. Голос у него был таким же звучным, но в нём играли обертона, которых не было у Хеймдара — лёгкая язвительность и насмешливость. Он медленно прошёлся по краю шатра, словно осматривая свою новую собственность. — Отобрал у тебя тряпки столичных шутов и укутал в добрый волчий мех. Трогательно. А где же он сам?

Я молчала, натягивая плащ плотнее. Присутствие это варвара было другим: не таким подавляющим, как у Хеймдара, но более... проникающим.

— Он ушёл, — наконец сказала я, стараясь, чтобы голос звучал

ровно.

 — Ушёл? — Хельги поднял бровь, изображая удивление. — Оставив такую... интересную находку одну? Без присмотра? Непохоже на него. Значит, ты его не заинтересовала. Или заинтересовала недостаточно.

 Мужчина подошёл ближе. Не так резко и яростно, как брат, а плавно, как хищник, который знает, что добыча уже в ловушке, и остановился в двух шагах. От него пахло не снегом и кожей, а дорогим, чуждым этому месту благовонием и холодным металлом.

 — Он тебя раздевал? — спросил Хельги прямо, с неприкрытым любопытством. Его светлый взгляд скользнул по разорванному платью, валявшемуся на шкурах.

 Жар ударил в лицо. Но это был уже не тот жар желания, а гнев. Горячий, ясный, знакомый. Гнев Розы Капитоновны на наглого завхоза, который считал, что может безнаказанно щупать девок в коровнике.

 — А тебя это касается? — выпалила я, и в голосе зазвучали те самые, грубоватые нотки. — Или вы всё делаете вдвоём? И едите, и спите, и... «принимаете дары»?

 Хельги замер. Насмешка сползла с его лица, уступив место искреннему, ледяному удивлению. Затем его губы медленно растянулись в улыбке, которой можно было заморозить. Это была улыбка человека, который наконец-то увидел что-то действительно интересное.

 — Ого, — протянул он с почтительным свистом. — У дарённой кобылки оказались зубы. И какой язык! «Принимаете дары»... Мило. Нет, девочка, мы не всё делаем вместе. У нас разные... вкусы.

 Он сделал ещё шаг, приближаясь вплотную. Я видела каждую ресницу, каждую тонкую морщинку у его глаз. Его красота была отточенной, почти идеальной в своей жестокой завершенности, и от этого становилось ещё страшнее.

 — Хеймдар, — продолжал варвар задумчиво, не отрывая от меня взгляда, — он любит всё ломать. Подчинять. Завоёвывать. Грубая сила, прямая, как удар топора. Скучно. А я... я люблю наблюдать, как что-то ломается само. Как гордыня гнётся под весом обстоятельств. Как страх борется с желанием. Это... изящнее

Глава 7

После ухода братьев в шатре воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием очага и собственным громким стуком сердца в ушах. Сидеть в одном исподнем под тяжёлым плащом Хеймдара было и тепло, и неловко. Мысли путались: ледяной лес, грубые руки, сдирающие платье, насмешливый взгляд Хельги, и тот пожирающий огонь в глазах Хеймдара, когда он встал между мной и братом.

Время тянулось, как смола. Я уже начала размышлять, не сбежать ли, завернувшись в этот плащ, но куда? В незнакомый зимний лес, полный тех, кто, судя по всему, считал меня своей собственностью? Глупость. Роза Капитоновна всегда знала, когда нужно смириться с обстоятельствами, чтобы выжить и найти в них опору.

Полог приоткрылся снова, но на этот раз без грубой силы. Вошла девушка. Лет восемнадцати, не больше. Лицо широкое, скуластое, с умными карими глазами и двумя толстыми русыми косами. Одета она была просто, но тепло: шерстяное платье, кожаный передник, на ногах — мягкие меховые унты. В руках она несла свёрток из грубой ткани и деревянную плоскую, от которой валил вкусный, жирный пар, от которого мой желудок требовательно заурчал.

Незнакомка опустила глаза, подошла и молча поставила миску передо мной на низкий столик, а свёрток положила рядом. Потом отсту-

пила на шаг, скрестив руки на животе, и ждала.

 — Спасибо, — сказала я осторожно.

 Она кивнула, не поднимая глаз.

 — Хеймдар-ярл приказал накормить и одеть тебя, госпожа. Меня зовут Ильва. Я буду служить тебе, пока... пока ты здесь.

 «Пока ты здесь». Интересная формулировка. Не «навсегда», а «пока».

 Миска источала такой соблазнительный аромат, что забыть о нём было невозможно. Там было густое, наваристое рагу с ломтями мяса, кореньями и какой-то крупой. Я взяла деревянную ложку и съела первый кусок. Горячая пища обожгла рот и разлилась благодатным теплом по всему телу, вытесняя последние остатки ледяной стужи. Я ела, стараясь не показать волчьего голода, но, видимо, не слишком успешно.

 Ильва наблюдала с угла глаза, и на её губах дрогнул подобие улыбки.

 — Ты ешь, как наши, — заметила она тихо. — Не ковыряешься, как те столичные куклы, что привозили раньше.

 — А часто их привозили? — спросила я между ложками.

 — Каждый год. Дань. — Ильва поморщилась. — Но они... не выживали. То от тоски, то от холода, то от... — она запнулась, — от наших обычаев.

 Мне стало не по себе, но я сделала ещё один глоток густого бульона.

 — Какие обычаи? Расскажи. Мне лучше понимать, куда я попала.

 Ильва посмотрела на меня с любо-

пытством, словно оценивая. Потом, убедившись, что я не собираюсь впадать в истерику, присела на корточки у очага, подбрасывая в него щепок.
 — Наш народ — потомки Медвежьих Вождей, — начала она, и голос её стал тише, почти благоговейным. — В древности наши воины могли обернуться огромными белыми медведями. Сила зверя и разум человека в одном. Никто не мог устоять перед нами.
 Девушка помолчала, глядя на пламя.

— Но это было давно. Очень. Способность угасла. Много зим прошло с тех пор, как последний из рода смог по своей воле сменить кожу. — В её голосе звучала глубокая, родовая печаль. — Теперь мы только люди. Ну, почти. Сила осталась. Ярость зверя — в крови. Выносливость. Это и делает наших воинов непобедимыми в бою. Но это лишь тень былого.
 Я слушала, заворожённо. Оборотни-медведи. Вот откуда эта нечеловеческая мощь в Хеймдаре, эта животная, подавляющая аура и звериная хитрость Хельги.

— Почему способность угасла? — спросила я.
 Ильва пожала плечами.

— Старейшины говорят — кровь остыла. Ослабела. Мы слишком долго смешивались с другими народами, слишком долго жили как люди, забывая зверя внутри. Но... — она оглянулась, будто боясь, что её подслушают, и понизила голос до шёпота, — есть пророчество. Старое, как горы. Что род Медвежьих Вождей вновь обретёт свою настоящую природу, когда найдёт свою истинную пару. Не про-

сто жену. А ту, в чьей крови зажёгся ответный огонь. Ту, что не сломается под силой зверя, а... примет её. И от такого союза родятся дети, которые снова смогут ходить в двух обличьях.

Она говорила это с верой, с какой в моём мире говорили о святых. А я сидела, обхватив миску подрагивающими руками, и чувствовала, как по спине бегут мурашки. «Истинная Пара». «Ответный огонь». «Не сломается, а примет».

— И... ярлы, Хеймдар и Хельги... они верят в это? — с трудом выдавила я.

Ильва кивнула серьёзно.

— Они — последние прямые потомки того самого первого Вождя-Медведя. На них вся надежда рода. От того и соперничество между ними... острее, чем между простыми братьями. Каждый хочет быть тем, кто вернёт силу предков. Каждый ищет... свою Пару. Но до сих пор... — она махнула рукой в сторону разорванного платья, — все «дары» были пустыми. Как красивые куклы из воска. Тают от первого прикосновения нашей реальности.

Она встала, развернула свёрток. Там оказалась не роскошная одежда, а практичная и удобная: мягкие кожаные штаны, тёплая шерстяная туника, толстые носки и грубые, но добротные меховые сапоги. Всё выглядело крепким и новым.

— Хеймдар-ярл сам приказал дать тебе это. — Она чуть улыбнулась. — Это хороший знак. Обычно он не вникает в такие мелочи.

Я прикоснулась к коже штанов. Она была мягкой, податливой. Не чета шёлку и парче. Но в

ней была свобода движения. И защита.

 — Ильва, — спросила я, пока девушка помогала мне облачиться в новую одежду (исподнее, к счастью, было сухим и тёплым от очага), — а что будет... если Пару найдёт Хельги?

 Лицо служанки стало задумчивым.

— Тогда он станет верховным ярлом. А Хеймдар... либо подчинится, либо будет изгнан, либо умрёт. Такова воля рода. Сила должна быть едина. — Она поправила складки на моей тунике. — Но старейшина, моя бабка, говорит, что у Хельги огонь в глазах холодный. Он хочет силы ради власти. А у Хеймдара... ярость в нём горячая. Как у зверя, который защищает своё. Бабка говорит, что пророчество — не о силе, а о соединении. Но холодный огонь может зажечь ответное пламя, а может обернуть ледяным пеплом.

 Одетая, я почувствовала себя другим человеком. Я встала, притоптала ногами в сапогах. Они сидели идеально.

 — Спасибо, Ильва. За еду, одежду и... за правду.

 Девушка снова опустила глаза,но в её поклоне было уже не раболепие, а уважение.

 — Я буду рядом, госпожа. Если что — позови.

 Она вышла, оставив меня наедине с новыми мыслями. Я стояла посреди чужого шатра, одетая в одежду этого мира, с полным желудком и головой, полной древних пророчеств.

 «Истинная Пара». Ответный огонь.

 На слабых дрожащих ногах подошла к очагу,протянула руки к пламени. Оно было жарким, живым.

 Внезапно я осознала: моё прошлое, вся моя прежняя жизнь, не исчезли. Они стали фундаментом. Фундаментом для той, кто не боится холода. Кто знает цену простой пище и тёплой одежде. Кого не ломает грубая сила, потому что жизнь и сама была не сахар.

**Встречайте увлекательную новинку нашего литмоба "Му-
жья для истинной"**

от Татьяны Барматти

"Эльфийское счастье, или Истинную не выбирают"

<https://litnet.com/shrt/TP-4>

Глава 8

После ужина Ильва появилась снова, но в её руках был не просто свёрток с бельём, а небольшой факел, смоляной и дымный. Девичье лицо в его свете казалось торжественным, сосредоточенным и удивительно взрослым.

— Пойдём, госпожа. К священному источнику. Там твоя кровь и дух очистятся перед ночью. Перед... выбором.

«Выбором»? Слово прозвучало многозначительно, будто Ильва знала что-то недоступное мне. Она не повела меня в сторону лагеря, а, наоборот, углубилась в лес за шатрами, к подножию мрачной скалы. У самой её груди, скрытый занавесом из свисающих корней древней ели, зиял провал. От него веяло не сыростью, а странным, глубоким теплом, смешанным с запахом влажного камня и чего-то цветочного.

Внутри пещера открылась не как тёмная утроба, а как таинственный храм. Своды были высокими, и в нескольких местах сквозь камни пробивался солнечный свет. Последние лучи заходящего солнца, преломляясь, падали внутрь призрачным, рассеянным сиянием, которое окрашивало клубящийся пар в золото и лиловый. В этом влажном, тёплом сумраке, подаренном солнцем, процветала жизнь. По стенам вились нежные папоротники, бархатные мхи покрывали камни у воды, а из узких трещин в полу тянулись к свету хрупкие стебли с бутонами, похо-

жими на застывшие капли лунного света.

 В центре, под самым большим световым колодцем, лежало озеро. Вода была тёмной, почти чёрной, но прозрачной у берега, и от неё поднимался густой, обволакивающий пар. Водная поверхность колыхалась, словно дышала.

 — Раздётся и войди, — тихо сказала Ильва, ставя на плоский камень полотенца и глиняную чашу с пастой, пахнувшей мёдом и травами. — Но не спеши выходить. Прикоснись к камням, к растениям. Это место... оно не только очищает, но и отвечает. Покажет тебе не одну тропу, а все, что перед тобой лежат.

 Служанка отступила в тень и замерла, став частью пещеры. Её присутствие не давило, а, наоборот, казалось необходимым — как присутствие жрицы при древнем алтаре.

 Я без смущения сбросила одежду, ощущая на коже уже не леденящий холод леса, а влажную, животворную теплоту пещеры. Вода встретила меня как объятие. Тепло, идущее из самых недр земли, проникло в каждую клетку, растворило оставшееся напряжение в мышцах, смыло липкий налёт страха и чуждости. Я погрузилась с головой, а когда вынырнула, мир казался ярче, звуки — звонче.

 Не знаю, сколько я плавала в тишине, нарушаемой лишь падением капель. Потом вышла, завернулась в полотенце и, следуя наказу Ильвы, пошла босыми ногами по гладкому, тёплому камню. Моя кожа, распаренная, казалась невероятно чувствительной.

Я остановилась у стены, где из узкой расщелины проби-

вался тонкий, хрупкий стебелек с закрытым, полупрозрачным бутонем. Что-то внутри сжалось — жалость к этой красоте, рождённой в темноте и живущей лишь случайными лучами.

Не думая, я протянула палец и легонько коснулась холодного лепестка. И он расцвёл.

Не медленно, а мгновенно, будто ждал только этого прикосновения. Бутон раскрылся, и в пещеру хлынул аромат — дикий, пьянящий, незнакомый. От него закружилась голова, а перед глазами поплыли образы, яркие, как вспышки молнии, но связанные в чёткую, неумолимую вязь.

Ледник, пронзительный ветер, бьющий в лицо. Я стою на узкой грани между двумя пропастями. Слева — Хеймдар в своём человеческом облике, его рука протянута ко мне, в глазах — вызов и неистовая, грубая надежда. Справа — Хельги, его поза безупречна, улыбка загадочна, в пальцах — серебряная нить, готовая опутать. Я делаю шаг не влево и не вправо. Я делаю шаг вперёд, на самую грань. И поворачиваюсь к ним лицом, протягиваю руки. Не для того, чтобы выбрать, а для того, чтобы соединить. Чтобы их руки, встретившись через меня, сцепились в пожатии не врагов, а союзников. Чтобы ярость одного и холодный расчёт другого, пройдя сквозь моё спокойствие, стали не разрушением, а силой. Не для одного. Для всех. Для рода.

Я резко отдернула руку, и видения схлынули, оставив после себя не смятение, а чёткую, кристальную ясность. Я смотрела на цветок, который теперь сиял в полумраке, наполняя пещеру светом и ароматом.

 Словно во сне обернулась к Ильве. Она смотрела на меня не с любопытством, а с глубочайшим пониманием, будто видела те же самые образы, отражённые в моих глазах.

 — Вода очистила тело, — тихо сказала она. — А земля через цветок показала душу. Ты поняла?

 — Да, — мой голос прозвучал твёрдо и странно спокойно. — Я поняла. Это не путь одной. Это судьба троих.

 Девушка кивнула, и в её поклоне появилось нечто новое — не поклонение служанки к госпоже, а расположение посвящённой к избраннице. Сейчас она казалась гораздо старше своих лет, некая потаённая мудрость читалась в раскосых глазах.

 — Тогда пора возвращаться. Ярлов ждёт не испытание одной. Их ждёт... откровение для двоих.

 Мы вышли из пещеры. Ночь была уже звёздной и морозной, но внутри меня горел тот самый цветок, расцветший от прикосновения. Я шла не как жертва на заклятие и не как невеста к жениху. Теперь я знала, что впереди — не бой за обладание мной. Впереди — гораздо более трудная и опасная битва: заставить две враждующие половинки одного целого увидеть во мне не дар, а необходимость, не повод для войны, а причину для мира.

Дорогие читатели, продолжу знакомить вас с историями нашего жаркого литмоба:

Встречайте захватывающую новинку нашего литмоба

"Мужья для истинной"

от Наташи Фаолини

"Истинная хозяйка для пяти воинов. Рабы прилагаются"

<https://litnet.com/shrt/YmBe>

Глава 9

Возвращение в лагерь было похоже на вход в иное измерение. Тишину пещеры сменил низкий, ритмичный гул большого костра и глухой бой барабанов, от которого дрожала земля под ногами. Воины столпились вокруг очищенной от снега площадки, их лица в свете пламени были серьёзны и непроницаемы. В центре, на грубых деревянных тронах, сидели братья.

 Хеймдар и Хельги. Они были похожи и одновременно — полные противоположности. Хеймдар сидел, откинувшись назад, как готовый к прыжку зверь, его взгляд, тяжёлый и тёмный, сразу нашел меня в толпе. В нём читалось напряжение, ярость, сдерживаемая только железной волей. Хельги расположился с холодной, почти скупающей грацией, но его светлые глаза, скользнувшие по мне, были остры как скальпель, выискивая малейшую трещину, признак страха.

 Между их тронами лежала широкая медвежья шкура. Место для испытываемой или для жертвы. Место для... возможной Пары.

 Ильва тихо подтолкнула меня вперёд. Шёпот прошёл по кругу воинов. Я шла, чувствуя на себе сотни взглядов, но внутреннее спокойствие, обрётённое у источника, не покидало меня. Но сейчас была одета как дань,— никаких нелепых, чуждых здесь шелков и кружева. Я выглядела как одна из них, в простой, тёплой одежде из кожи и шерсти, с волосами, заплетёнными

ми Ильвой в удобные косы. И это, казалось, сбивало с толку многих.

Гордо вскинув подбородок, остановилась перед шкурой, на которой должна была встать на колени и взглянула прямо на братьев.

— Подойди, — раздался властный голос Хельги. — Или страх сковал твои ноги? Ритуал требует твоего присутствия... на земле.

— Ритуал требует многого, — ответила я, и мой голос, чистый и звонкий, прозвучал удивительно громко в наступившей тишине. — Но начинается он не с унижения.

Хеймдар медленно наклонился вперёд, его локти упёрлись в колени. В его взгляде вспыхнул интерес, замешательство и что-то ещё — уважение?

— Что ты предлагаешь, южанка? — его голос был тише, но от этого лишь весомее. — Неужели ты лучше знаешь, как должен проходить ритуал моего народа?

Я чувствовала скрытую угрозу, словно дикий зверь раздумывал, перегрызть ли глотку тому, кто ступил на его территорию, или ещё понаблюдать.

— Я предлагаю не просто пройти испытание, — произнесла уверенно, делая шаг вперёд, заступая на край медвежьей шкуры. — А увидеть то, что предрешиено...

На секунду меня сковал страх. Что я делаю? Что говорю? Простая доярка из села решила предсказывать будущее двум варварам-оборотням из другого мира. Звучит, словно бред сумасшедшего. Но усилием воли отогнала эти мысли, хотя они и были весьма логичными. Сейчас было не время для

голоса разума и обоснованных сомнений.

 Сделав вдох, закрыла глаза на мгновение, вспоминая тепло источника, свет в пещере, хрупкий стебелёк под пальцем. Стараясь расслабиться, искала внутри то чувство, которое испытала — не выбора, а соединения. И оно отозвалось тёплым, пульсирующим потоком, идущим от самого сердца к ладоням.

 Когда вновь подняла веки, в моих руках, сложенных перед грудью, уже был он: тот самый цветок — нежный, с молочно-белыми, почти светящимися лепестками, с сердцевинной цвета тёмного мёда. Он парил у меня между ладонями, не имея стебля, будто сотканный из самого воздуха, пара дыхания и моего намерения. От него исходил тот же дивный, пьянящий аромат, уже знакомый мне.

 Гул толпы стих, сменившись ошеломлённым безмолвием. Даже барабаны умолкли, а Ильва, стоявшая позади, затаила дыхание.

 Хельги приподнялся с трона, его безупречная маска холодного любопытства дала трещину, обнажив чистый, неподдельный шок.

 — Это... что это? — прошептал он.

 Хеймдар медленно встал, — так поднимается медведь из берлоги. Его глаза были прикованы к цветку, а в них читалась не просто ярость или удивление, а нечто древнее, глубинное — узнавание.

 — Цветок Подземного Солнца, — произнёс он, и его голос дрогнул. — Он растёт только у Сердца Земли... и только для...

 Ярл не договорил. Его взгляд встретился с

моим. И в этот момент я поняла, что нужно делать.

 — Ваше пророчество говорит об Истинной паре, — сказала я. — Но что, если ваше пророчество... узко? Что, если оно не о паре, а о целом? О трёх? О силе, ярости и... равновесии? О двух половинках, потерявших друг друга в битве, и о том, что может их снова соединить?

 Я сделала шаг вперёд, подойдя к самому центру между тронами.

 — Прикоснитесь, — тихо сказала, протягивая руки с парящим цветком так, чтобы он оказался ровно посередине между братьями. — Оба. Одновременно.

Неужели я говорю этим огромным, свирепым мужчинам, что им делать? Сумасшедшая! Но вновь заглушила голос разума, ведомая лишь каким-то чутьём, интуицией, словно точно знала, что нужно делать.

 Наступила тишина, натянутая как тетива, — кажется, никто даже не дышал. Хельги посмотрел на цветок, на меня, на брата. В его глазах мелькали расчёт, страх и жадное любопытство. Взгляд Хеймдара же был устремлён только на меня.

 Он первым протянул руку — огромную, покрытую шрамами. Его пальцы медленно приблизились к светящимся лепесткам.

 Хельги, видя это, резко сделал то же самое. Его длинные, изящные, но очень сильные пальцы потянулись с другой стороны.

 И в тот миг, когда подушечки их пальцев одновременно коснулись лепестков...

 Мир взорвался.

Встречайте увлекательную новинку нашего литмоба "Мужья для истинной"
от Татьяны Барматти
"Эльфийское счастье, или Истинную не выбирают"
<https://litnet.com/shrt/xZou>

Глава 10

Тихий, сдержанный свет цветка вспыхнул ослепительной белой молнией, озарив всю поляну, заставив воинов отшатнуться и зажмуриться. Этот свет был... живым, исходящим уже изнутри нас троих.

 Я чувствовала, как по моим рукам, от ладоней и выше, побежал огонь, но он не жёг изнутри, а согревал, наполняя смыслом и уверенностью.

На внутренней стороне моих запястий, прямо под ладонями, проступили мерцающие рисунки. На левой — стилизованный коготь, переплетённый с корнем: символ ярости и глубоких, незыблемых основ. На правой — изящная снежинка, заключённая в круг: символ холодного ума и безграничных возможностей.

 Но это было не всё. Я видела, как тот же свет бьёт из-под рукавов братьев. Хеймдар, сжав кулак, смотрел на своё предплечье, где теперь сиял символ — цветок, подобный моему, но пронзённый тем же когтем-корнем. Хельги же, обычно такой сдержанный, растерянно смотрел на свою руку, где рядом с его татуировками клана замерцала другая метка — тот же цветок, но обрамлённый узором из снежинок.

 Третий символ, общий, завершающий круг, проявился у каждого из нас в самом центре груди, под одеждой, но мы все трое чувствовали его жгучее, нестираемое присутствие — сплетённые воедино коготь, снежинка и цветок.

 Свет угас так же

внезапно, как и появился. Цветок в моих руках рассыпался на мириады светящихся пылинок и исчез, но метки остались — тёплые, пульсирующие в такт сердцу.

В лагере воцарилась гробовая тишина, а затем её нарушил скрипучий голос. Из толпы вышел древний старик, опирающийся на резной посох, с лицом, изборождённым морщинами глубже, чем ущелья в горах. Его глаза, мутные от возраста, были полны слёз.

— Круг... — прохрипел он, указывая дрожащим пальцем на нас троих. — Круг замкнулся! Не пара... Троица! Сила, Разум и... и Сердце, что их соединяет! Пророчество... мы всегда понимали его слишком просто!

Хеймдар первым пришёл в себя. Он властно обвёл всех взглядом и издал дикий рык, похожий на рёв медведя.

Хельги медленно опустился на трон, его лицо было бледно. Он смотрел на метку на своей руке, потом на меня, потом на брата. В его светлых глазах бушевала буря, но я заметила в них проблеск какой-то надежды, которую мужчина, казалось, давно похоронил под слоями цинизма.

Ноги дрожали и подгибались, но я из последних сил стояла между ними, чувствуя жар новых символов на коже. Ритуал не показал, кому из них принадлежу, а дал понять, что я — та самая грань, необходимая связь, что может держать в равновесии медвежью ярость одного и ледяной ум другого.

И когда я подняла голову, чтобы встретиться взглядом со всем родом, увидела не недоумение или гнев, а благоговейный, потрясённый трепет. Эти люди

смотрели на меня, как на чудо, на знак, которого ждали сотни зим.

А потом Хеймдар протянул ко мне руку, — спокойно и бережно, словно это было для него привычно. И после мгновения колебания то же самое, медленно, как будто против своей воли, сделал Хельги.

Я посмотрела на их протянутые руки — одну грубую и сильную, другую — изящную и властную, положила свои ладони поверх их, соединив братьев через себя.

Тишина взорвалась, лагерь варваров наполнился рёвом. Это был звук ликования.

Глава 11

Торжественный гул после проявления меток постепенно сменился напряжённым, густым ожиданием. Ликование рода было искренним, но первобытным, и в нём явственно читался вопрос: «А что теперь?». Взгляды, полные суеверного трепета, жадно скользили по нам троим, выискивая подтверждения случившемуся чуду.

Именно в этот момент Хельги поднялся. Его лицо, уже вернувшее привычную маску контроля, было обращено не к брату и не к толпе, а только ко мне. В его светлых глазах горел не расчёт, а нечто более тёмное, более глубинное — торжествующая, почти хищная страсть. Он видел доказательство моей принадлежности ему: метку на своей коже, чувствовал её жар. И для его властной натуры следующий шаг был очевиден.

— Ритуал начат, но он должен быть завершён. Род увидел знак. Теперь он должен получить подтверждение во плоти! — мужской взгляд, тяжёлый и пристальный, скользнул по мне с головы до ног, будто сдирая с меня новую, тёплую одежду. — Ты наша, Роза. И сегодня ночью мы это утвердим.

По толпе пробежал одобрителный, грубый ропот. Для многих это было логично: знак получен, теперь — зачатие новой силы. Хеймдар резко повернул голову к брату, на лице его вспыхнула знакомая ярость, но в ней теперь была и растерянность. Он чувствовал ту же необходимость, но что-то

внутри — может, та самая новая метка на груди — протестовало против такой простоты, такой грубости.

 И тут вперёд, расталкивая воинов своим дрожащим посохом, вышел древний шаман — тот самый, что говорил о Троице. Его имя было Эйвинд, и ему, как нашептала мне Ильва, было больше ста зим.

 — Стой, сын моего сына! — его голос, хриплый и слабый, тем не менее, прорезал воздух как нож. Все замерли. Даже Хельги, стиснув челюсти, вынужден был обернуться. — Ты всё порушишь своей поспешностью! Ты видишь только тело, как молодой медведь, но не видишь сути!

 Шаман подошёл ко мне так близко, что я почувствовала запах сухих трав и древней пыли, исходящий от его одежд. Его мутные глаза вглядывались не в моё лицо, а куда-то сквозь меня, в самую душу.

 — Сила, что в ней... она не так проста. Она не только для соединения зверя и человека в потомках. Видение было ясным! Она — Сердце, точка равновесия. Но сердце — это не только любовь. Это — жизнь сама! — он ткнул посохом в землю у моих ног. — Видишь? Земля мёртвая, спит под снегом. А в ней... спит возможность. Сила нашего рода в ярости и мощи, но от одной мощи дети голодными остаются. Мы воины, но мы и люди. Нам нужен хлеб. Нам нужны плоды. Нам нужны корни, что не в лесу надо искать, а растить у дома.

 Старик обвёл взглядом ошеломлённую толпу, затаившую дыхание.

 — Дар истинной... он не только в лоне, которое примет семя, но и в руках, что могут разбудить землю! В дыхании, что может согреть! В её прикосновении, от которого цветы распускаются в каменной темноте! Она — та, что может научить землю кормить нас! И если ты, Хельги, или ты, Хеймдар, войдёте в неё сейчас, как в простую женщину, вы погасите этот хрупкий, только что раскрывшийся цветок навсегда! Сперва надо открыть её дар для рода. И только тогда... только тогда соединение будет благословенным, а не губительным.

 Тишина, воцарившаяся после его слов, была столь давящей, что даже Хельги, чьё желание было почти осязаемым, замер, переваривая слова старика. Это была новая, невероятная идея. Варвары-земледельцы? Смешно. Но... метки на коже тоже были смешны, пока не проявились. И цветок в моих руках...

 Хеймдар первый нарушил молчание. Он подошёл ко мне, его движение было не таким стремительным, как раньше, а более осознанным.

 — Пещера, — сказал он, глядя мне в глаза. — Там ты это сделала. Там расцвёл цветок. Мы должны вернуться туда. Втроём.

 Хельги хмыкнул, но протеста не было. В его взгляде теперь горел азарт исследователя, готового отложить немедленное удовлетворение ради большего открытия. И ещё — вызов. Вызов брату и самому себе. Кто из них первым коснётся тайны этой новой силы?

Встречайте горячую новинку нашего литмоба "Мужья

для истинной"

от Оксаны Рассветной

"Истинная для двоих"

<https://litnet.com/shrt/CDJR>

Глава 12

Мы шли к пещере в полной тишине, втроём. Только Эйвинд с Ильвой следовали за нами на почтительном расстоянии как свидетели. Вход в пещеру теперь казался не просто дырой в скале, а порталом. Внутри по-прежнему царил влажный, тёплый сумрак, освещённый призрачным светом из щелей. Воздух был густым, насыщенным запахом воды, камня и... ожидания.

Мы остановились у самого края источника. Вода тёмная, парная, поблёскивала в полумраке.

— Что нам делать? — спросил Хельги, но вопрос был обращён не ко мне, а к пространству пещеры, к самой её древней силе.
— То, что подсказет сама пещера, — тихо ответила, зная, что это правда. Я чувствовала пульсацию этого места, откликающуюся на жар меток у нас на груди.

Мне не верилось, что та женщина, которой я была раньше, теперь словно обрела глубинные магические знания, став новым человеком. Осталось ли во мне что-то от той Розы Капитоновны? Но сейчас было не время размышлять об этом.
Я медленно повернулась к мужчинам. Они стояли по обе стороны от меня, два исполина, такие разные и теперь связанные одной тайной. Глядя на них, сняла свой тёплую одежду, оставаясь только в тонкой льняной рубаше,

которая тут же прилипла к коже от влажного воздуха. Я видела, как глотают слюну оба, как вспыхивают их глаза в темноте, но сейчас это был не просто голод плоти. Это был голод познания, голод по чуду.

— Прикоснитесь, — прошептала я. — Но не к телу, а к силе.

С волнением и ожиданием закрыла глаза, отпустила контроль, позволив тому самому теплу, что родилось у источника, разлиться по жилам. Я почувствовала, как моя кожа начинает сиять тем же мягким, внутренним светом, что и исчезнувший цветок.

Хеймдар был первым. Он никогда не медлил. Его большая, шершавая ладонь легла на мою щеку. Прикосновение было одновременно грубым, но на удивление нежным. Варвар наклонился, и его губы, тёплые и твёрдые, коснулись моих. Это был не просто поцелуй, а настоящее посвящение — яростное, требовательное, полное всей той необузданной силы, что клокотала в этом мужчине. И в ответ на прикосновение, на этот жар, пещера вздохнула.

Там, где наши тени падали на каменную стену, из голого камня пробились и мгновенно расцвели лианы с мелкими алыми цветами, похожими на капли крови. Тепло от поцелуя Хеймдара разлилось по моему телу волной, и у самого края источника, у его ног, из мшистой земли проклюнулись и вытянулись к свету первые, нежные ростки — похожие на пшеничные, но с серебристым отливом.

Ярл оторвался, тяжело дыша, глядя на преображённую стену и землю у своих ног с немим изумлением. На его губах блестела влага

от моего дыхания, а в глазах пылало не только желание, но и благоговение.

 Не давая опомниться, меня притянул к себе Хельги. Он не просто наклонился ко мне, а обвил мою шею длинными пальцами, впился голодным ревнивым взглядом в губы, тронутые братом, и только потом приник к ним. Его поцелуй был не жарким, а холодным, как горный ручей, и таким же проникающим. Мужчина исследовал, пробовал на вкус, втягивал в себя моё дыхание, мою суть. Он был мастером, и его поцелуй был искусством соблазна и контроля.

 И пещера ответила иначе. Там, где наша тень легла на влажный мох, распустились крупные, восковые цветы неземного синего оттенка, испускающие тонкий, дурманящий аромат. А на камнях, куда падал свет из расщелины, появились крошечные, прозрачные ягодки, похожие на застывший лёд, но от них пахло мёдом и летом.

 Когда Хельги отпустил меня, в его обычно холодных глазах бушевал настоящий шторм. Он провёл языком по своей нижней губе, будто пробуя новое, незнакомое вино.

 — Ты... ты рождаешь жизнь, — прошептал он, и в его голосе не было насмешки, только потрясённое открытие. — Не просто детей. Ты рождаешь... изобилие.

 Я стояла между ними, дрожа, переполненная их полярными энергиями. Ярость одного и холодный ум другого текли во мне, смешиваясь с моим собственным теплом, и рождали в груди нечто невероятное. Я чувствовала, как в глубине, в утробе этой древней горы, что-то откликается — не семена рас-

тений, а сама возможность роста, плодородия, жизни.

Медленно взяла их руки — правую Хеймдара, левую Хельги — и прижала их ладонями к своему животу, поверх тонкой ткани. Их тепло, шершавость кожи, пульсация меток встретились на моём теле.

 — Это не моя сила одна, — сказала, задыхаясь. — Это... наша. Ваша ярость... даёт силу ростку пробиться сквозь камень. Ваш холодный расчёт... даёт ему форму, защиту, время. А моё тепло... даёт ему жизнь. Без одного из вас это будет неполно. Ущербно.

Под нашими соединёнными ладонями, прямо сквозь ткань, на моей коже проступило слабое свечение — наш тройной символ. И в тот же миг по всей пещере, во всех тёмных уголках, куда падал хоть луч света или наша общая тень, зацвели растения. Незнакомые, удивительные: злаки с золотистыми зёрнами, кусты с ягодами, похожими на рубины, лианы с тяжёлыми, ароматными плодами. Пещера превратилась в подземный сад, в колыбель будущего изобилия.

Мы стояли так, связанные не только руками, но и этим чудом, которое творили вместе. Воздух гудел от энергии, насыщенный ароматами цветов и плодов. Желание, которое висело между нами с самого начала, теперь не погасло, оно преобразилось: стало глубже, страстнее, опаснее. Оно стало не просто желанием обладания, а жадой слияния, тотального, на всех уровнях — физическом, магическом, душевном.

**Встречайте горячую новинку нашего литмоба "Мужья
для истинной"**

от Елены Арматиной

"Пари, два дракона и сердечные неприятности"

<https://litnet.com/shrt/WuzA>

Глава 13

Воздух в пещере, всегда пахнувший камнем и сыростью, теперь был густ и сладок, как нектар. Он был напоён ароматами, которые мы только что родили на свет: пьянящая сладость неизвестных ягод, терпкая свежесть злаков, головокружительная нежность цветов. И под всем этим — острый, животный запах нас самих: возбуждения, пота, влажной кожи и дыма от факелов, которые воткнули у входа Ильва и Эйвинд, отступив в тень как стражи и свидетели.

Я всё ещё стояла между мужчинами, их ладони всё ещё лежали на моём животе, и сквозь тонкий лён я чувствовала каждый шрам, каждую выпуклость вен, пульсирующий жар их огромных рук. Символ на моей коже под их ладонями светился, отзываясь на прикосновение тёплой, глубокой пульсацией, будто ещё одно, общее сердце.

Хеймдар первым нарушил это замершее, заряженное молчание. Он не отнял руку, а провёл ею вверх, по моему боку, к рёбрам, грубой шершавостью своих пальцев заставляя ткань рубахи скользить и прилипать к влажной коже. Движение было медленным, нарочито тягучим, полным осознанной, томящей силы.

— Ты дрожишь, — прошептал он, и обветренные губы снова коснулись моего уха, но теперь уже не для слов. Его язык, горячий и влажный, провёл по мочке, и всё моё тело откликнулось судорожной волной, от позвоночника к самым

кончикам пальцев ног.

 — От холода, — выдохнула я, солгав, и мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

 — Лжёшь, — тут же, с другой стороны, отозвался Хельги.

Его рука тоже пришла в движение, но иначе: длинные, изящные пальцы скользнули с моего живота вниз, к краю рубахи, к бедру. Он не касался кожи, лишь водил кончиками ногтей по грубой ткани, и каждый след был подобен крошечной молнии, пронзающей меня насквозь. — Дрожь у тебя внутри, я чувствую. Как сердцебиение птицы, попавшей в лапы. Но ты не птица, Роза. Ты...

 Варвар не договорил, а наклонился и вонзил зубы в место, где шея переходит в плечо с точностью хирурга. Чувственно, властно, оставляя не боль, а жгучую метку обладания. Я вскрикнула, и звук был немедленно пойман и поглощён губами Хеймдара.

 Его поцелуй напоминал жест обезвоженного путника, увидевшего ручей среди бескрайней пустыни. Он пил из моего рта, как из источника, его язык был требовательным, завоёвывающим, заполняющим всё пространство. Свободная рука вцепилась мне в волосы, откинув голову назад, подставляя горло ещё более жадным губам Хельги, покрывавшего мою шею, ключицы поцелуями, которые были холодными лишь вначале, а затем разгорались таким же огнём, что и у брата.

 Одежда стала пыткой, грубый лён превратился в пылающую стену между руками мужчин и моей кожей. Я сама не помнила, как вцепилась пальцами в

меховые обмотки на плечах Хеймдара, чувствуя под тканью железную твердь его мускулов. Другой рукой я схватила ко-
су Хельги, втягивая его ещё ближе, в этот безумный танец
страсти.

 Хеймдар оборвал поцелуй, его дыхание
было тяжёлым и рваным.

— Рубаха... — прохрипел он. — Она мешает. Я хочу ви-
деть тебя всю!

 Его пальцы нашли шнуровку у мо-
его плеча и грубо дёрнули. Один резкий рывок — и ткань
лопнула с тихим шелестом, сползла с плеча, обнажив грудь.
Холодный воздух пещеры обжёг кожу, но тут же его сменило
жаркое дыхание Хельги. Он отвёл голову, его светлые глаза,
расширенные от страсти, скользнули по обнажённой коже,
и в них было не просто желание, а благоговейный, алчный
восторг коллекционера, нашедшего совершенный артефак-
т.

 — Прекрасно, — прошептал он, и его голос зву-
чал сдавленно. — Знаки... они и здесь.

 И правда,
на нежной коже над грудью, там, где ещё минуту назад бы-
ла ткань, теперь мерцал тот же тройной символ — меньше,
изящнее, но от этого не менее властный.

 Хеймдар
не стал смотреть. Он вкусил: его губы, а затем и язык, грубый
и горячий, обжигаяще коснулись этой метки. Я застонала
и невольно выгнулась навстречу, и мужчина, почувствовав
моё нетерпение, жадно втянул в рот затвердевшую вишенка
соска.

Невольно закричала, вернее, из горла вырвался сдавлен-
ный стон, когда волны невыносимого удовольствия ударили

от этого места прямо в низ живота, заставив его сжаться в тугую, болезненно-сладостный комочек.

 Хельги наблюдал секунду, его глаза пылали, а затем его руки скользнули ко мне на спину, притягивая меня к себе так, чтобы моя обнажённая грудь теснее прижималась к грубой коже его жилета. Он приник губами к моему плечу, к месту укуса, и начал зализывать ранку долгими, медленными, невероятно чувственными движениями языка. Его руки скользили по спине под порванной рубахой, а пальцы — холодные и точные, находили каждый позвонок, каждый напряжённый мускул, заставляя их расслабляться под его волей.

 Я была настянута между этими мужчинами, как струна. С одной стороны — грубая, всепоглощающая стихия Хеймдара, сжигающая всё на своём пути. С другой — изощрённый, проникающий холод Хельги, опутывающий каждую клетку. И я, посередине, была полем их битвы и местом примирения одновременно. Моё тело горело и леденело, трепетало от невыносимой нежности и рвалось в клочья от дикой страсти.

 Хеймдар, оторвавшись от моей груди, поднял на меня взгляд. Его губы блестели. В его сине-зелёных глазах бушевала настоящая буря.

— Я хочу слышать, как ты кричишь, — прохрипел он. — От удовольствия.

 И его рука, огромная и властная, скользнула между моих ног, поверх одежды, но с такой поразительной точностью, что весь мир сузился до одной пылающей точки, которую мужчина нашёл, будто знал моё тело

лучше, чем я сама.

Встречайте горячую новинку нашего литмоба **"Мужья для истинной"**

от Эвы Морт

**"Истинная для драконов. Помощница в магазин
"Зеленушка и корешки"**

<https://litnet.com/shrt/xYiJ>

Глава 14

Я взвыла, запрокидывая голову, и мой крик был подхвачен и заглушён поцелуем Хельги. Он целовал меня, вбирая в себя каждый звук, каждую дрожь, и его рука при этом легла поверх руки брата, не убирая, а усиливая давление, направляя его, делая ласку ещё более невыносимо-сладкой.

Мы были на краю. На острейшей грани, где каждая клетка тела кричала о необходимости слияния, о снятии этих последних, жалких преград из одежды. Жар, исходивший от нас троих, был таким сильным, что казалось, вот-вот закипит вода в источнике. Вокруг, будто в ответ на нашу бурю, растения начали расти с пугающей, магической скоростью, обвивая ноги нежными, но цепкими побегами, осыпая нас пылью и лепестками.

И тут из темноты, тихо, но неоспоримо, прозвучал голос Эйвинда:

— Довольно.

Одно слово... Произнесённое негромко, но с такой силой и уверенностью, что мы трое замерли, как будто окаченные ледяной водой. Хеймдар резко отнял руку, его грудь тяжело вздымалась. Хельги медленно, нехотя, оторвал губы от моих, и в его глазах читалась ярость, граничащая с безумием, от того, что его прервали.

— Вы раскрыли дар истинной для земли, — продолжил старик, выходя на свет. Его древнее лицо было серьёзно. — И пробудили в ней и в себе ту силу, что может кормить род. Но

соединить плоть сейчас — значит смешать огонь с порохом внутри кузницы. Вы можете взорвать то, что только что создали. Её сила, ваша новая связь — они хрупки, как первый росток. Им нужно укорениться, окрепнуть.

 Шаман посмотрел на нас, на наши разгорячённые, полуобнажённые тела, на глаза, полные неутолённого голода.

— Отведите её в общий шатёр и лягте рядом. Дышите одним воздухом, чувствуйте жар друг друга через одежду. Но её плоть... плоть останется неприкосновенной. До первого урожая, до того, как сила земли, которую вы пробудили, даст плоды. Тогда соединение будет не разрушением, а благословением! — он вздохнул. — А сейчас любое проникновение может поглотить её целиком, обратив дар жизни в тлен. Вы хотите потерять это? Ради минутной слабости?

 Его слова висели в воздухе, тяжёлые и неоспоримые. Хельги зажмурился, с силой выдохнув. Хеймдар сжал кулаки так, что кости затрещали, но кивнул — коротко, с трудом.

 Я стояла, всё ещё дрожа, с разорванной рубашкой, с кожей, пылающей от их прикосновений, с низом живота, сведённым мучительной, томительной пустотой. Это была какая-то невыносимая агония незавершённости. Но при этом вдруг испытала облегчение, потому что та сила, что бушевала между нами, была действительно страшна. И старик был прав.

 Хеймдар первым пришёл в себя. Он снял свой тяжёлый плащ из волчьего меха и, не глядя на брата, укутал меня в него, скрывая моё обнажённое плечо, но не

мог скрыть жар, исходивший от моего тела. Потом он просто подхватил меня на руки, как делал это в первый раз, но теперь это движение было не спасительным, а властным, утверждающим.

 Хельги не протестовал. Он просто шёл рядом, и его пальцы вцепились в мою руку, лежавшую поверх плаща, с такой силой, что кисть должна была болеть, но боль терялась в море других ощущений.

 Мы вышли из пещеры, из царства цветов и страсти, в холодную, звёздную ночь. Но внутри плаща, зажата между двумя исполинами, я горела. Мы не пересекли последнюю черту, а остались на самой её кромке, дыша друг другом, зная, что впереди — долгие недели и месяцы этой пытки-искушения. Но понимали, что когда это, наконец, случится, это будет не просто соитие, а акт творения, слияния не только тел, но и судеб, и магии, и самого будущего целого народа.

 И эта мысль была одновременно и ужасной, и самой сладостной из всех.

Глава 15

Во сне я опаздывала на утреннюю дойку, спешила изо всех сил к своим рогатым четырёхногим подопечным, но ноги застревали в глубоком снегу, по которому я брела бесконечно долго, и ему не было конца и края.

Открыв глаза, чуть не вскрикнула... А ведь я надеялась, что новый мир, новое тело и парочка сексуальных варваров — всего лишь сон, пусть яркий, чувственный, необычный, но обязанный закончиться, когда проснусь. Но нет...

Рядом спокойно спал Хеймдар, чья могучая рука тяжело лежала у меня на талии, прижимая к его разгорячённому боку. Хельги уже бодрствовал, я чувствовала его пристальный взгляд в темноте, слышала его ровное, слишком контролируемое дыхание. Мы лежали рядом, разделённые лишь тонкими одеждами, но каждый нерв в моём теле помнил вчерашнее и жаждал продолжения, которое было теперь под запретом.

 С первыми лучами солнца, пробивавшимися сквозь дымовое отверстие, в шатёр без стука вошла Ильва. Её лицо было не таким почтительным, как раньше, а озабоченным.

— Госпожа, ярлы, — тихо сказала она, кланяясь. — На

окраине лагеря отирается чужеземец. Он просит аудиенции у вождей и... у новой Хранительницы Земли. Весть о... цветущей пещере, видимо, уже разнеслась дальше, чем мы думали.

Хеймдар мгновенно проснулся, его тело напряглось, а каждая мышца обрисовалась чётче под гладкой кожей. Хельги медленно сел, поправляя волосы, и в его глазах вспыхнул холодный, заинтересованный огонёк.

— Странник? С юга? — спросил старший брат, вставая и натягивая рубаху.

— Нет, ярл, — покачала головой Ильва. — С востока, из-за Хребта Теней. Он говорит на нашем языке, но с акцентом. И... с ним звери. Не собаки, а что-то другое.

Это заставило насторожиться даже Хельги. Земли к востоку от их владений были малоизученными и считались проклятыми даже для северян — слишком много там пропадало охотничьих партий.

Я быстро попробовала облачиться в непривычные одежды, но расторопная служанка тихо вздохнула и помогла мне навести красоту «по-варварски»: тёплый плащ и удобные косы вместо непокорных локонов.

Мы с ярлами вышли к центральному костру. Лагерь уже бурлил, воины с явным недоверием смотрели на небольшую группу пришельцев, расположившуюся у самого края поселения.

Странник был один, но его окружали три зверя. Не волки и

не собаки: существа размером с крупного волкодава, но сложенные более изящно, с длинными, гибкими телами, короткой пепельной шерстью и узкими, умными мордами с янтарными глазами. Животные сидели, не двигаясь, но их взгляды, полные немого интеллекта, скользили по воинам, оценивая и словно рассчитывая расстояние до жертвы.

 А сам странник... Он был высок, почти как братья, но не так массивен. Его фигура была поджарой, жилистой, как у гончей. Лицо незнакомца скрывал капюшон плаща из странной, светлой ткани, которая меня свой цвет, словно подстраиваясь под окружающее пространство.

А когда мужчина повернулся к нам, я увидела его глаза... жёлтые, как у его зверей. На вид ему можно было дать лет сорок, но в этих глазах было что-то древнее, потёртое временем, как старый пергамент.

 — Мир вашему очагу, ярлы Хеймдар и Хельги, потомки Медвежьих Вождей, — произнёс незнакомец. Голос его был ровным, даже мелодичным, но в нём слышался лёгкий, неприятный присвист, будто говорящий редко пользовался им для обычных слов. — И тебе, о, Цветок, расцветший среди снегов. Весть о твоём пробуждении дошла даже до глухих ущелий.

 Странник поклонился, но поклон был слишком плавным, слишком отточенным, чтобы быть искренним.

— Меня зовут Каин. Я — странник, спутник переменчи-

вого ветра, искатель истины и хранитель древнего знания. Того самого, что было утрачено вашим народом, когда они забыли дорогу к своим корням.

 — Какое знание? — холодно поинтересовался Хеймдар, стоя перед ним, скрестив руки на груди. Его поза говорила о явном недоверии. Кажется, ярла не впечатлил список занятий Каина.

— Знание об истинной природе вашей силы, — не моргнув, ответил странник. Его жёлтые глаза скользнули по меткам на наших руках, и в них мелькнуло что-то похожее на алчность. — Вы думаете, пророчество — это просто сказка о любви и плодородии? Нет, это инструкция. Инструкция по восстановлению утраченного. И я могу показать вам... короткий путь.

Встречайте горячую новинку нашего литмоба **"Мужья для истинной"**

от Хелен Гуды

"Истинная троих. Таверна для попаданки"

<https://litnet.com/shrt/FPv9>

Глава 16

— Нас вполне устраивает длинный путь, — надменно произнёс Хельги, но я видела, как он весь напрягся, впитывая каждое слово.

— Устраивает? — Каин усмехнулся, и это было похоже на шипение змеи. — Пока вы будете годами выращивать свою «Хранительницу», пока она будет учиться управлять своим даром для... посадки репы, ваше племя будет прозябать. Другие уже давно пробудили свою истинную суть. Те, кто не побоялся заглянуть в суть пророчества глубже.

Один из зверей Каина тихо заворчал, и странник потрепал его по загривку.

— Я пришёл с предложением, — продолжал он. — Дайте мне возможность поработать с вашей истинной всего неделю. Я научу её не просто будить семена в земле, а пробуждать дремлющую кровь. Не потом, не через месяцы, а сейчас. Поведаю ей, как превратить вас, ярлов, в настоящих Медведей не в следующем поколении, а завтра. Представьте: не два сильных воина, а два неудержимых Вождя-Зверя, ведущих свой народ к новой славе.

Соблазнительные слова висела в воздухе, густые и ядовитые. Я видела, как Хеймдар стиснул челюсти, как в глазах Хельги промелькнул ясный, как молния, расчёт. Быстрая сила... Минуя ожидание, минуя эту мучительную отсрочку, наложенную шаманом.

— А цена? — спросила я, прежде чем братья успели что-то сказать. Мой голос прозвучал хрипло, но твёрдо. — Никто ничего не даёт просто так. Особенно знание.

 Каин повернулся ко мне, и его жёлтые глаза скользнули по моему лицу с любопытством. Его взгляд был таким же проникающим, как у Хельги, но лишённым даже той искры человечности, что была у последнего.

— Цена? Мудрый вопрос, дочь земли. Цена — это доверие. Возможность быть вашим... советником, проводником в новом мире, который вы откроете. Место у вашего нового очага. И... — его взгляд упал на мои руки, — несколько капель крови. Только для ритуала. Чтобы связать знание с носителем силы.

 Всё во мне кричало «нет». Это было слишком гладко, слишком удобно, почти идеально. Эйвинд, подошедший незаметно, хрипло прошептал мне за спиной:

— Даже если волк нацепит овечью шерсть, он не перестанет быть хищником... Этот странник пахнет пылью гробниц и старой ложью.

 Но я знала, как велик был соблазн для братьев. Хеймдар жаждал действия, силы, немедленного результата. Хельги жаждал преимущества, знания, которое даст ему верх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.